

Актеры и роли

За творчеством артиста Свердловского городского театра кукол Владимира Ткача я слежу в течение вот уже двух сезонов. Если говорить словами цифр, то это 15 ролей в девяти спектаклях. За это время В. Ткач заявил о себе, как об актере, вступившем в полосу творческой зрелости. Он привлекает теперь уже не юношеским темпераментом и непосредственностью, а отточенностью образов, разнообразием красок, индивидуальностью.

НЕЛЕГКО «ИГРАТЬ В КУКЛЫ»

ТКАЧ начал в театре с амплуа молодого лирического героя. Он сыграл Димку из спектакля «РВС», Данилу-мастера («Хозяйка Медной горы»), Аладдина («Волшебная лампа Аладдина»).

Они очень разные, уральский парень Данила и араб Аладдин. Мягкий лиризм, душевная глубина и цельность у Данилы и яркий темперамент, напористость у Аладдина. Актер играет эти роли и до сих пор, но сделаны они еще в начале творческого пути. Сейчас о ролях такого плана остается только мечтать. Так уж сложилась судьба артиста, что, начав как лирический герой, он вдруг открывает в своей индивидуальности новую грань, отлично проявляет себя как характерный актер и... переходит к ролям такого плана.

Сначала актер был доволен: открыл в себе что-то новое, но затем пришло и определенное неудовлетворение от столь узкой специализации (могу ведь не только это!). А так как новой лирической роли пока нет, рождалось желание продолжить работу над уже сделанными, и старые образы начали приобретать новые краски, углубляться и совершенствоваться.

Считается, если актера в кукольном спектакле не узнают по голосу — значит актер хороший, сумел перевоплотиться. Если голос во всех ролях одинаков — значит слабый актер. Можно узнавать и не узнавать Ткача по голосу (он довольно смело использует свои голосовые данные), можно с радостью отмечать его умение перевоплощаться, но в то же время узнать Ткача-актера можно всегда. И это очень хорошо. Это значит, что, бывая разным в образах, он не теряет своей человеческой индивидуальности, всегда остается самим собой — добродушным человеком, с наслаждением играющим с куклами.

Да, когда он на ширме со своими друзьями-куклами, в зале не видно слушающих лиц. Интересно всем: и маленьким, и большим. Образы, созданные актером, привлекают правдивостью, свежестью и — самое главное! — кукольностью. В руках актера кукла оживает и живет своей, особой жизнью, но подражая никому, делая все своеобразно, так, как может только она, кукла.

Вспомните Волка в спектакле «Еще раз о Красной шапочке». Страсти на этом спектакле кипят, как на хоккейном матче, тесный контакт возникает между актерами и зрителями. Волк тут выделяет такое, что захватывает дух: ходит на руках, запрыгивает на ширму и спрыгивает с нее, передевается, съедает вместо бабушки глиняный горшок и при этом не забывает посмотреть в книгу, чтобы знать, что говорить и как действовать дальше — ведь попал-то он сюда из другой сказки. Когда Волка выгоняют из этой сказки, раздаются аплодисменты и дружный смех. Он очень смешон, серый, самоуверенный хвостун. И хотя, кажется, нет такого, чего бы не смог сделать Волк, мы ни на минуту не забываем, что это кукла, и восхищаемся умением артиста управлять ею.

Если эта роль решена в ключе эксцентрики и гротеска, то в образе Бабы-Яги из спектакля «Царевна-лягушка» получает развитие линия психологическая. Баба-Яга никого не пугает, но временами она

страшна. Над ней смеются, но она противна. Эту работу отличает большая четкость, тончайшая нюансировка, правда сказки, когда играет каждый жест, каждая деталь. Эта тщедушная нечисть не настолько уж и немощна. «Я еще существую, я еще действую!» — говорит она о себе. Особенно высокой степени выразительности достигает актер в сцене колдовства, когда Кощей соглашается подарить Яге молодое обличье. Вот где она страшна. Страшна сосредоточением уродства, мерзости, зла. Лишь в одной этой сцене, лишь на один миг она перед нами «во всей своей красе», без лжи и маскировки под порядочность. Она выложила здесь предельно, обнажила всю свою сущность, все нутро. И такое размещение акцентов в роли: от отдельных резких штрихов до безжалостного, беспощадного разоблачения в финале — делает образ особенно емким, запоминающимся.

Хочется сказать и о речевой характеристике Бабы-Яги. Частенько в театре кинол «герои» разговаривают какими-то потусторонними голосами, а злые силы верещат, хрипят, дребезжат. И потому, разумеется, очень важно, если актер умеет говорить просто, искренне и в то же время «в маску». Такому актеру невольно веришь. А Баба-Яга разговаривает настолько ярко и «в маску», что кажется: эта кукла говорит сама. Речь ее сочна, в меру певуча, разнообразно окрашена. Вот почему, думается, образ Бабы-Яги — пример органичного слияния всех художественных средств, которыми располагает кукольный актер, умелого их использования.

А вот в спектакле «Голубой щенок» Ткач играет сразу несколько небольших ролей. Все они сделаны точно по мысли, выпукло, с чувством меры и характера. Жаль только, что эти образы не открыли в актере нового. Ткач просто еще раз показал отличные свои способности остро-характерного актера (достаточно вспомнить его Поэта в «Голом короле» Е. Шварца, Омнигора в «Чертовой мельнице» И. Штока).

...Актер идет сейчас говой большой интересной роли — такой, которая стала бы событием в его творческой жизни, повела бы его вперед.

В. БОРИСОВ.

На снимке: В. ТКАЧ с одной из кукол. Фото В. Ветлугина.

уральский рабочий

1261 ЮИИ